

Игнатий Потапенко

Не простит...

Игнатий Николаевич Потапенко
Не простит...
Серия «Записки старого студента»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=622825

Аннотация

«Квартира представляла ряд маленьких, тесных комнат, похожих на клетки для зверей. Все они выходили окнами на второй двор, не отличавшийся чрезмерной чистотой; в каждую шла дверь из узкого тёмного коридора, каждая была обставлена настолько, насколько это было необходимо для того, чтобы существовать. В комнате полагалась кровать, стол, два стула; на стене вешалка для платья. В двух стояли комоды, за что взыскивалось рубля на два дороже.».

Игнатий Николаевич Потапенко

Не простит...

Рассказ

Квартира представляла ряд маленьких, тесных комнат, похожих на клетки для зверей. Все они выходили окнами на второй двор, не отличавшийся чрезмерной чистотой; в каждую шла дверь из узкого тёмного коридора, каждая была обставлена настолько, насколько это было необходимо для того, чтобы существовать. В комнате полагалась кровать, стол, два стула; на стене вешалка для платья. В двух стояли комоды, за что взыскивалось рубля на два дороже.

Одна комната была исключением. Она помещалась при самом входе направо, тогда как все остальные шли налево, и эта окнами выходила на первый двор, и было в ней не одно, а два окна; на них висели белые прозрачные занавески и подоконники содержались в примерной чистоте. В комнате были те же предметы, что и в других; но можно было заметить и значительную разницу. Кровать была отделена ширмой, стол был отполирован, перед столом помещался диван, правда, далеко не первой свежести, но всё же такой, на котором можно было сидеть. Был ещё маленький круглый сто-

лик, что-то вроде кресла, а в углу стояло приспособление для туалета, с зеркалом и с какими-то флакончиками. Что особенно поражало в этой комнате, так это необыкновенная порядочность общего вида: всё всегда было на месте, во всём виделась чистота, щепетильная опрятность, — словом, сразу можно было догадаться, что здесь обитает женщина.

Студент Чигринский всякий раз, когда входил в эту комнату, умилялся, сравнивая её со своей. Его комната помещалась в ряду тех, которые выходили окнами во второй двор. Она была самая миниатюрная из всех. В ней даже нельзя было поставить двух стульев, а стоял только один. Но что больше всего отличало её от этой, так это то обстоятельство, что у него во всякое время всё было вверх дном. Как-то уж так выходило, что не было никакой возможности установить порядок в его комнате. Хозяйка каждое утро прибирала в ней, но через какие-нибудь пять минут после её ухода вещи точно сами собой переменили места, и всё принимало такой вид, как будто уже с неделю хозяйская рука не прикасалась к ним. Может быть, это было свойство самого обитателя этой комнаты, переходившее на вещи. Но факт тот, что комната Чигринского на постороннего наблюдателя производила впечатление какой-то заброшенной кладовки, куда сложили разный хлам.

Если бы такой наблюдатель заглянул в комнату в то время, когда в ней сидел за столом или лежал на кровати во весь свой длинный рост Чигринский, то он и его причислил бы к

хламу: до того странен был внешний вид этого человека.

В восемь часов вечера Чигринский сидел на диване, в комнате, окна которой выходили на первый двор. Он усиленно кусал нижнюю губу, от времени до времени вытаскивал откуда-то, точно из глубины шеи, клочья волос, составлявших его бороду, теребил их в разные стороны, запихивал себе в рот и вообще обнаруживал все признаки беспокойства. Он молчал, молчала также и хозяйка комнаты, Марья Петровна Лопатина. Она была не в духе, испытывала нервную дрожь и постоянно куталась в плед.

– Я не понимаю, – говорила она, – зачем вы здесь торчите? Если б вы могли хоть слово интересное сказать, а то ведь вы молчите так же, как и я. Господи, какая тоска!

Чигринский смотрел на неё с отчаянием. С ним это всегда случалось, что именно тогда, когда нужно быть умным, он оказывался дураком. Человек он был вовсе не глупый и при случае мог говорить интересно и даже остроумно. Но вот именно теперь, когда он много дал бы за то, чтоб Марья Петровна улыбнулась, в голове его не оказывалось ни одной сколько-нибудь сносной мысли.

– Да ведь вы же всегда говорите, что я никуда не похожу! – мрачно промолвил Чигринский. – Это только лишнее доказательство.

– Ах, это меня очень мало утешает!

Чигринский казался несчастным. Лопатина вообще не особенно жаловала его своей любезностью, но иногда ему

казалось, – именно в такие моменты, когда у него в голове оказывались мысли и он становился занимательным, – иногда ему казалось, что она слушает его со вниманием и даже начинает относиться с симпатией. Но это случалось редко; большею частью ей бываю с ним скучно, и она искала другого общества.

А, между тем, Чигринский с каждым месяцем замечал, что Лопатина всё больше и больше привлекает его к себе. Она появилась на его горизонте с год тому назад. В первое время она показалась ему очень странной. Чрезвычайно живая, нервная, она поражала своими неожиданностями, нередко казавшимися неловкими и бестактными. На неё иногда находило такое настроение, что она вдруг начинала говорить всем то, что думала о них. Выходило резко и никому не нравилось. Наружность её не представляла ничего выдающегося. У неё было маленькое лицо с мелкими чертами; маленькие глазки отличались живостью и переменчивостью выражения, но, в общем, в этом лице было что-то необыкновенно привлекательное, что-то задорное, интригующее. Вот на эту-то удочку и попался Чигринский. Именно глаза её заинтриговали его, а затем она начала интересоваться его всё больше и больше.

– Слушайте, – сказала Лопатина, – я думаю, лучше будет, если вы уйдёте к себе.

– Что ж, если я вам так надоел...

– Ах, нет, не то... но мы с вами оба представляем две та-

кие мрачные фигуры, что лучше нам провести вечер врозь...

– Я уйду! – промолвил Чигринский, – но ведь вы знаете, как мне будет грустно... Ведь вы знаете...

– Ах, знаю, знаю, знаю! – нервно заговорила Лопатина, – так ведь это же ничего не помогает. Вы влюблены в меня, да? Ну, это глупо!

– Почему же глупо? – спросил Чигринский.

– Да так, просто глупо, да и только! Вообще глупо быть влюблённым. Это детское занятие...

Чигринский встал и изобразил желание уйти. В это время в передней раздался сильный звонок, потом по коридору зашлёпала туфлями хозяйка, которая почему-то всегда была не одета и всю жизнь носила какие-то ночные костюмы. Может быть, это происходило оттого, что она ютилась в тёмной дыре, где можно было поставить только кровать, а все остальные углы отдавала жильцам. Ещё минута – загрохотал болт у двери, и затем в комнату протянулась рука, подававшая письмо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.